

ДЕСЯТЬ ЛЕТ С ПРАВОМ ОЦИФРОВКИ

Фильм «Архитектура блокады», посвященный маскировке Ленинграда в годы войны, стал номинантом XXVIII фестиваля «Окно в Европу», который проходит в Выборге с 7 по 13 декабря.

Документальная лента создана в рамках проекта «Сохраненная культура». История уникальная для частного бизнеса: уже десять лет проект занимается делом, которое, казалось бы, невозможно без господдержки — оцифровкой объектов культурного наследия и созданием произведений, так или иначе связанных с сохранением памяти об ученых, архитекторах, художниках и деятелях культуры советского периода. О том, как идет этот процесс и что побуждает вкладывать в него собственные средства, рассказывает Виктор Наумов — основатель и руководитель проекта, старший научный сотрудник сектора информационного права и международной информационной безопасности Института государства и права РАН, управляющий партнер санкт-петербургского офиса международной юридической фирмы Dentons.

— С чего начинался ваш проект «Сохраненная культура»?

— Он возник десять лет назад как локальная человеческая идея — хотелось сделать приятное моей маме, ленинградскому и петербургскому художнику-графику Ольге Биантовской. Я задумал выпустить альбом ее работ. И когда в мастерской мы начали фотографировать эти работы, я пришел к весьма нерадостному для себя открытию: часть произведений мамы, чье творчество я хорошо знаю и люблю, мне попросту неизвестна. И информации о них — ноль.

Мы сделали альбом, он вышел удачно, мне помогли профессионалы, в частности, бессменный дизайнер моего проекта Инга Цветкова. Но я тогда понял: память уходит, факты теряются. И это массовое явление: многие авторы, чьи произведения представляют значительную культурную ценность, оказались в довольно непростом положении — их забывают. Причин тут несколько. Во-первых, смена эпох: мы теряем родных и близких, они уходят и исчезают их воспоминания. Во-вторых, нельзя не учитывать те поистине тектонические сломы, которые происходили в нашей стране, когда объективно уничтожалась память о многих вещах. И третий, может быть, самый существенный фактор — возникновение цифровой цивилизации. Десять лет назад, в эпоху «чистого» интернета, когда я начинал свой проект, употребляли другое словосочетание — «информационное общество». Но суть одна: когда в цифровую цивилизацию что-то попадает в электронной форме, это сохраняется. Иначе — нет. Особенно это важно для молодого поколения, которое воспитано на кратких поисковых запросах: если чего-то нет в поисковике или на пяти любимых сайтах, значит, этого в принципе не существует. Соответственно, возникает цифровой разрыв между культурным нецифрованным наследием XX века и современной цифровой эпохой.

— Ваша глобальная цель — оцифровать как можно больше объектов культурного наследия для того, чтобы они стали доступны всем?

— Вначале у меня была программа-минимум. Она включала оцифровку семейных

архивов (оба моих деда и бабушка — Александра Викторовна Махровская — были довольно известными в советское время архитекторами) и создание и выпуск десяти-двенадцати объектов: альбомов и книг, в том числе в электронном формате, CD и DVD-дисков. Все с последующей бесплатной рассылкой по библиотекам, музеям, учебным заведениям. Этот план был перевыполнен в 2014 году. Сегодня счет выпущенных «Сохраненной культурой» объектов пошел на четвертый десяток, а если учитывать издания и переиздания отдельных произведений, то их окажется более 80. У нас четыре документальных фильма, мобильное приложение, трехмерные панорамы, довольно много книг, альбомов художников, краеведческих изданий, значительное количество дисков. Несмотря на то, что CD и DVD — уже несколько устаревшая форма, и объективно, она приятная: можно что-то напечатать и подержать в руках. Плюс это

довольно дешевая, надежная и легко тиражируемая конструкция.

Если говорить о планах, то в ближайшее время у нас выйдет четырехтомник трудов Виктора Ильича Кочедомова, моего деда, известного в советское время ученого, историка архитектуры, педагога: до момента своего ухода в 1971 году он был деканом архитектурного факультета в Академии художеств в Ленинграде и занимал эту должность более двадцати лет.

Из того, что удалось сделать в последнее время, наверное, самый удачный и резонансный объект с позиции массового зрителя — это наш документальный фильм «Архитектура блокады», который мы представили в январе нынешнего года. На протяжении более полутора лет большой коллектив — режиссер Максим Якубсон, операторы и звукорежиссеры, имеющие за плечами школу «Лендока» и других известных студий, — создавали уникальное, с моей точки зрения, про-

изведение о Ленинграде и Петербурге. Мы живем в удивительном, прекрасном городе, одном из лучших на Земле. В его истории есть такой период, как блокада, которая длилась 900 дней и ночей. Почти три года здесь шла война. И возникает вопрос: почему и сейчас мы продолжаем наслаждаться тем архитектурным ландшафтом, теми удивительными зданиями, набережными, мостами, которые были построены до нее? Как все это сохранилось? Оказалось, что за всем этим стоит колоссальный труд гражданских специалистов — архитекторов, реставраторов, художников, которые строили ложные или виртуальные, как сказали бы теперь, фрагменты города. Перекрашивали улицы, маскировали мосты, меняли конфигурацию зданий. Среди них был мой дед Александр Иванович Наумов, занимавший во время блокады должность заместителя главного архитектора Ленинграда. О том, как все это

происходило, о необыкновенной архитектуре спасения города в рамках блокады мы и сняли наш фильм. Который сейчас будет представлен на фестивале в Выборге.

— **Чего вы ожидаете от фестиваля «Окно в Европу»?**

— Для начала, нам очень приятно в нем участвовать. После премьеры, которая состоялась в петербургском Доме кино — был переаншлаг, у нас стала развиваться фестивальная программа. Только в ноябре «Архитектура блокады» удостоилась двух призов — победы в номинации «Лучший фильм об архитекторах и архитектуре» на фестивале «Зодчество» и специального приза жюри на фестивале «Радонеж» в Москве. Сейчас мы в числе номинантов «Окна в Европу». Для меня здесь важен сам факт внимания профессионального сообщества. Плюс дополнительная аудитория.

— **Кстати, об аудитории. Есть какая-то реакция читателей, зрителей? Что называется, обратная связь?**

— Да, и особенно когда люди вовлечены непосредственно. Я начинал с довольно локального круга, с истории своей семьи. Но затем вся эта деятельность стала обретать поддержку в других городах: Омске, Выборге, Саратове, Костроме. В 2018 году мы сделали фильм «Надежда на спасение» о саратовском протоиерее Геннадии Махровском, которого расстреляли в 1919 году. На съемках этого фильма я нашел в Саратове своих дальних-дальних родственников, познакомился с местными краеведами, которые занимаются уникальнейшими вещами, связанными с памятью о той ушедшей, залитой кровью эпохе. С ними очень интересно общаться, их поддерживает даже сам факт, что они не одни в этом поле войны — есть кто-то еще. И таким образом мне удалось за последние годы выстроить довольно плотные горизонтальные связи со значительным количеством людей и даже групп исследователей в других регионах.

— **Ваш проект имеет какую-то финансовую поддержку со стороны?**

— Нет. Это личное финансирование.

— **Если не секрет, сколько вы вкладываете материальных ресурсов?**

— Значительные деньги. И я благодарен судьбе за то, что могу себе это позволить. Уже достаточно давно я руковожу европейской практикой в области регулирования интернета и технологий и возглавляю петербургский офис юридической фирмы Dentons, это большая и успешная международная структура. Не погружаясь в цены, могу сказать, что те книги, которые я выпускаю, приятно держать в руках: замечательная бумага, качественное оформление — всего несколько типографий могут напечатать такое. Издать хорошую книгу, даже ограниченным тиражом, — очень дорогое удо-

вольствие. В 2016 году у нас вышла книга «Дом академиков. История и судьбы», посвященная, как говорил Дмитрий Сергеевич Лихачев, «египетской гробнице» — дому на углу 7-й линии и набережной Лейтенанта Шмидта. Я собрал в ней воспоминания тех людей, которые живут или жили в этом доме и общались со светилами мировой величины, включая главу РАН, академика Карпинского, академика Павлова. В 2017 году эта книга получила первое место на конкурсе краеведческой литературы, организованном Федеральным агентством по печати и массовым коммуникациям. То есть никакой государственной поддержки я не имею, но временами все равно получаю какое-то приятное внимание.

— **Вашу деятельность можно назвать чистым подвижничеством. Но разве для того, чтобы о проекте узнали как можно больше людей, для расширения аудитории, не нужна поддержка государства, связи с Государственным архивом РФ?**

— Сложный вопрос. Несомненно, государство этим занимается, может быть, фрагментарно, не имея глобальной стратегии. Но все это касается каких-то больших, масштабных проектов. Я же иду от людей, которые имеют эмоциональное восприятие и сопереживание в отношении ушедшей эпохи и конкретных творческих объектов. Это существенно обогащает содержание того, что сохраняется, хотя масштабы объективно несравнимы.

Сегодня мы тратим цифровые ресурсы на развлечения, на модные конструкции, но если мы не хотим прыгать с закрытыми глазами, не имея за плечами парашюта прошлого и культуры, нам необходимо использовать эти технологии и для того, чтобы что-то сохранять. Скажем, попросить оставшихся в живых блокадников просто что-то надиктовать, создать живую библиотеку блокады. Пока живы очевидцы, можно еще представить без искажений ту, может быть, далеко нелицеприятную правду — удивительное наследие целой эпохи. Это невозможно было сделать в 1950–1970-х годах, а сейчас техника есть, но уже через несколько лет это делать будет поздно.

— **На логотипе вашего проекта — бабочка. Такой легкомысленный образ, символ быстропроходящей красоты... Почему вы его выбрали?**

— Это один из любимых персонажей многих произведений моей мамы: ее графики к «Сильфиде», советским оперным и балетным спектаклям, много бабочек в книжных иллюстрациях. Но если посмотреть внимательнее, наш логотип — это квадратик с бабочкой, где некими движениями теней смахивается пыль с образа прошлого.

Беседовала Елена Федотова

«ЩЕЛКУНЧИКИ» НАСТУПАЮТ И ВСЕГДА ВЫИГРЫВАЮТ,

потому что пришло их время.

Мария Иванова |

В ЭТОМ странном году позиции балета Петра Ильича Чайковского только укрепляются. Ведь силы зла здесь — мыши, и они будут повержены. В декабре и январе Щелкунчик неоднократно одержит победу над Мышиным королем даже на сцене Национального драматического театра России (Александринского театра) и сразу в двух версиях.

Театр балета имени Леонида Якобсона представит «Щелкунчика» в хореографии Василия Вайнонена. Это самая классическая версия из созданных в XX веке. В 1934 году Вайнонен придумал фантастически красивый спектакль — с сияющей елкой и волшебными фокусами, с мечтой об идеальном счастье. Истинный шедевр. Именно эта версия «Щелкунчика» займет Александринскую сцену 31 декабря. Она же занимает особое место в нашей общей культурной памяти, и именно она связана с самой первой постановкой балета, созданной Мариусом Петипа и Львом Ивановым в 1892 году. Вайнонен по либретто Петипа и на той же самой Мариинской сцене свой спектакль и ставил. А литературной первоосновой балета, как все мы помним, стала сказка Гофмана в переложении Дюма-отца (не Дюма-сына, как иногда ошибочно указывается). Сегодня «Щелкунчик» — один из самых популярных балетов мира, и хореографических версий существует немало.

Так, Театр балета имени Петра Ильича Чайковского покажет в Александринке собственную современную, оригинальную, но вместе с тем традиционно сказочную версию «Щелкунчика» в постановке Елизаветы Меньшиковой. Вызывает особое уважение и то, что балетная труппа имени Чайковского выходит на бой с Мышиным королем даже и 1 января.

Словом, весь декабрь и январь верим в волшебную силу искусства и так побеждаем исходящее от мышей зло.